

Захар Левин

18+

ПРОКЛЯТИЕ
ДВУХ СЕМЕЙ

Захар Левин

Проклятие двух семей

«Автор»

2025

Левин З. С.

Проклятие двух семей / З. С. Левин — «Автор», 2025

События произведения «Проклятие двух семей» разворачиваются в Новой Англии XVIII века. Молодой парень Эдвин, проживающий в небольшом пуританском поселении, встречает прекрасную Эвелин, и вскоре между ними зарождается взаимное чувство. Однако их любви предстоит выдержать немало тяжелых испытаний: родительский гнев, неодобрение церкви, изгнание из родного поселения и встречу с демоническими силами. Героям приходится вступить не только в борьбу за самих себя, но и посмотреть в лицо внутренним противоречиям, приводящим к трагической развязке.

© Левин З. С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1. Отрицание	6
Часть 2. Гнев	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Захар Левин

Проклятие двух семей

Англия. Восемнадцатый век. Одно из безвестных поселений

«Ребенок, которого не обнимала деревня, сожжет ее дотла, чтобы почувствовать тепло»

Африканская пословица

Часть 1. Отрицание

За год до начала основных событий

По узкой тропе, тянувшейся вдоль поля, шел зеленоглазый мужчина лет сорока. Его лицо было гладко выбрито, а длинные волосы, собранные в хвост, виднелись из-под широкополой шляпы. Кожаная коричневая жилетка, надетая поверх клетчатой рубашки, была расстегнута. Сапоги его измазались полевой грязью. Ветер в поле гонял сырой осенний воздух, образуя волны в высокой траве. Позади мужчины на фоне леса были едва заметны несколько домиков. Это было небольшое поселение в тридцать пять домов. Начиная с северной части и вплоть до южной стороны его огибала горная река. А в сторону востока до самого горизонта тянулись поля с редкими хвойными лесами. Тропа резко вильнула направо и повела вниз под склон, поросший травой. Внизу на широкой поляне, окруженной лиственными деревьями, виднелось кладбище. Несколько деревянных крестов, вбитых в землю, почернели от обильных дождей. Мужчина прошел между первыми рядами могил и остановился перед одной. Крепкой ладонью с круглыми костяшками пальцев он протер крест и всмотрелся в него. В его взгляде читалась скорбь, соединенная с принятием факта быстротечности жизни. Мужчина прищурился, и в уголках его глаз яснее обозначилось с десяток морщинок. Так смотрит человек, познавший свою ничтожность перед необратимостью природных процессов. Бренность всегда пугала человека, мозг не допускает осознания конечности своего существования до определенного возраста. Мужчина выдернул несколько травинок, проросших вокруг могилы, и отбросил их в сторону. Справа от него, в нескольких футах перед могилкой, сидел человек с неопрятной внешностью. Были слышны его редкие всхлипывания. Он полил могилу из бурдюка каким-то бордовым напитком и вытер слезы. Мужчина тихонько подошел к нему со спины и спросил:

– Кто здесь покоится?

Спустя несколько секунд сидящий возле могилы ответил сквозь слезы:

– Мой отец.

На лице мужчины читалось: «Ох, я тебя понимаю».

– А у тебя здесь кто? – спросил человек у могилы, шмыгнув носом.

– Здесь похоронена моя мать, а прах отца развеян в горах, это была его последняя просьба.

Человек поднялся с колен, и их взгляды встретились. Мужчина угадывал в его лице знакомые черты, но никак не мог вспомнить тот момент, когда этот человек поселился в их деревне.словно таракан, переезжающий из дома в дом в куче хлама, который остается незамеченным до определенного момента.

– Столько горя свалилось на меня за последнее время, – всхлипывая, проронил незнакомец.

Мужчина по-приятельски похлопал его по плечу, и они двинулись обратно в деревню.

– Не повезло мне с этой землей, – продолжил он, вытирая лицо, – неплодородная она, опять впроголодь всю зиму жить.

Мужчина слышал фальшь в его деланном тоне страдальца, но не смог справиться с чувством жалости. «Не могу же я прямо так взять и отвернуться от него?» – подумал он и произнес:

– Идем, я посмотрю, чем смогу тебе помочь.

Театр одного актера продолжался всю дорогу до деревни. Они зашли с заднего двора на участок, где несколько кур разбежались в стороны. Мужчина удалился в сарай на несколько минут и вышел оттуда с двумя мешками.

– Вот здесь картофель, а в этом – другие овощи. – Он поставил мешки перед незнакомцем.

Этот человек вытянул губы трубочкой, подобно фокуснику, который удивился при виде кролика в шляпе.

– Я... я... я, – залепетал он. – Как мне тебя отблагодарить? Знаешь, я в долгу, я теперь в огромном долгу перед тобой!

Мужчина слегка смутился.

– Я все верну. Все до последнего огурца верну. На следующий год. – Он чуть ли не запрыгал от счастья, а вся фальшь рассеялась, словно никаких бед и не было.

– Хорошо, конечно же, – ответил мужчина с доброй улыбкой на лице.

– Я так и не спросил твоего имени, добрый человек.

– Мое имя Вернон.

– Спасибо, Вернон!

Он протянул ему свою грязную ручищу и так сильно сжал руку Вернона, что тот слегка покачнулся.

– Я все верну! – выкрикнул он, удаляясь с мешками за ворота.

Вернон обошел дом, и перед ним распахнулась дверь.

– Что этот человек здесь забыл?! – озлобленным тоном произнесла женщина.

– Я одолжил ему пару мешков овощей.

– Вернон, ты что, совсем спятил?!

– А что такого?

– У него семья голодает, потому что он забулдыга беспросветный!

Вернон замешкался, подбирая слова.

– Какой же ты идиот, Вернон, – удаляясь в глубь дома, негодовала женщина.

Вернон с виноватым видом проследовал за ней.

Год спустя.

Ветви ивы, ниспадающие, подобно длинным волосам с головы титана, отражались в водной глади, которая время от времени становилась ребристой от легкого дыхания ветерка. Мелкие птицы, словно блохи в шерсти лохматого животного, барахтались в этих кудрях, гоняясь друг за другом с ветки на ветку. Их чириканье эхом терялось в непроглядной чаще леса. Внезапно порывы ветра усилились и подняли лиственный шум в округе. Волны помчались в сторону, унося с собой листья, плывшие по воде. Девушка, сидевшая на берегу, была полностью поглощена плетением венка из ромашек. Ее тонкие пальцы были так аккуратны, будто цветы были самым хрупким предметом на свете. Свисающие длинные русые волосы скрыли ее левое плечо. Очевидно, недавно она заходила в воду, ведь ее белая сорочка просвечивала насквозь. Было приятно чувствовать на себе мокрую тяжелую ткань в такую знойную погоду. Ее хрупкую лодыжку украшал браслет, собранный из разноцветных бус на шерстяной веревке. Сухой листочек медленно опустился на ее голову и запутался в волосах. Когда венок был готов, она набросила его на смуглое колено, прижавшись к нему щекой. Разглядывая противоположный берег, она погрузилась в смутные размышления. Ее взгляд следовал сначала за волнами, после – за птицами. Выпрыгнувшая из воды рыбка блеснула чешуей и снова пропала из виду под бегущими волнами. Хруст ветки за спиной заставил девушку оглянуться. На короткий миг взгляды двоих незнакомцев встретились. Карие глаза светловолосого юноши застыли на ее фигуре. Девушка заторопилась накинуть верхнюю одежду, отбросив венок в сторону. Откуда-то из леса донесся хриплый выкрик, и юноша удалился с охапкой хвороста в руках. Незнакомка набросила на свои плечи серую шерстяную тунику и натянула на голову чепец, веревочки которого впутались в волосы. Легкий испуг отражался в ее торопливых движениях. Она придала своему лицу выражение, которое послужило бы достойным ответом этому наглецу. Следом покинула берег, уходя в противоположном направлении.

Все поселение заполонило слякотью от бесконечных августовских дождей. Жители собирались на главной площади, неловко ступая по густой грязи. Лошади шатались, будто пьяные,

как и их хозяева. Их копыта застревали в грязной массе, отчего наездникам приходилось вручную толкать повозки. На фоне главной площади стояла католическая церковь, основанная пастором Уолтоном. Ее молчаливое величие было такое же непритязательное, как и морщинистое лицо ее служителя. Его пронизательный взгляд под очками, гладко выбритое лицо с тупым подбородком и впалыми скулами отлично сочетались с проседью на его короткостриженной голове. Он стоял уверенно и твердо, держа в жилистых, покрытых выступающими темными венами руках маленькую книжку в черном кожаном переплете. Полы его черной сутаны колыхались на ветру и были педантично чисты, несмотря на обилие грязи под ногами. По его левую руку на выстроенной из деревянных досок возвышенности стояла женщина. На ней была черная туника с широкой черной юбкой. Черные ленты, вплетенные в ее седые волосы, развевались на ветру. По другую сторону стоял человек в черном плаще и широкополой черной шляпе, из-под которой на его плечи ниспадали длинные жирные волосы, осыпая его плечи перхотью. Это был лорд Клинтон.

– Богом данной мне властью нести слово Его...

Женщина прервала речь пастора плевком в его сторону. Он поднял на нее взгляд, полный снисхождения, и продолжил.

– Во веки веков, покуда дух мой не покинул плоть земную. Наша сестра Фелиция сошла с праведного пути. Она...

– Вы лжесвидетельствуете против самого Христа! – безапелляционно выкрикнула она.

Ветер усилился и выбил тонкую черную ленточку из ее волос. Она медленно полетела вниз, завладев вниманием толпы, и наконец упала в грязь.

– Она обвиняется в колдовстве! – весьма убедительно выкрикнул Клинтон и поднялся к ней по ступенькам.

Он накинул петлю из толстой плетеной веревки на ее шею и спросил:

– Каковы твои предсмертные слова?

Женщина подняла взгляд, сочетающий в себе надменный гнев и насмешку над глупцами.

– Никогда не заходите в мой дом и не пытайтесь его уничтожить!

Она залилась загробным смехом. В толпе зевак пронеслись шепотом высказанные возмущения, которые были прерваны резким ударом. Платформа под ногами казненной провалилась вниз под испуганный возглас толпы. Мерзкий хруст шейных позвонков, скрип веревки и застывшая надменность на ее покрасневшем лице заставили отвернуться всех женщин. Они, склонив головы, перекрестились. Ноги Фелиции тряслись мелкой дрожью несколько секунд, пока пастор крестился и что-то нашептывал вполголоса.

– Расходитесь все по домам! – скомандовал Клинтон и срезал веревку петли.

Труп упал на землю, разбрызгивая грязь. Публика с ужасом на лицах разбрелась в разные стороны. В толпе проносились тихие возмущения и высказывания сдержанным шепотом. Одна из лошадей встала на дыбы и громко заржала. Хозяин с трудом удержал ее за вожжи и поторопился покинуть площадь.

Дело шло к осени. Жители поселения трудились на своих землях и готовили урожай к зиме. Бесконечные толки, сказанные шепотом, о том самом доме, возбуждали суеверный страх в сознании жителей. Они сторонились его, украдкой бросая взгляды в его сторону. Каждый желал заглянуть в него, но боялся увидеть в нем что-то. Кто-то из местных предложил поджечь его ночью, и эта новость пронеслась по всему поселению. Каждый житель ждал того момента, но сам не решался на такое деяние. Народ находился в недоумении, почему же он до сих пор не сожжен. «Ведь кто-то собирался это сделать?!» – шептались все вокруг.

Однажды местный овчар Вальтер гнал стадо овец обратно в загон. Его послушный пес погнал животных привычным для него путем, мимо того самого дома. Вальтер не сразу понял, что допускает ошибку, пока пес не вернулся к нему, поджав хвост. Он заскулил в ногах хозяйской лошади. А сын, Николас, выкрикнул: «Отец!» Вальтер пустил лошадь галопом, одной

рукой схватив вожжи и положив другую руку возле пистолета на поясе. Стадо взбунтовалось и россыпью побежало по деревне. Овцы неслись в панике подобно людям на пожаре. Они сталкивались друг с другом и бесконечно блеяли. Вальтер хватал их за шкурку и затаскивал в сарай. Не всех удалось поймать, часть стада сбежала. Непонятным образом вместе с десятком овец пропал пес. Суеверие местных предостерегло их от покупки шерсти у Вальтера. Они презрительным взглядом рассматривали его каждый раз, когда он показывался на улице. В один из вечеров бедолага Вальтер напился вусмерть и вышел из дома. Он шел между домов, выкрикивая: «Кто осмелится выйти ко мне?! Чего вы испугались?! Я чист перед Христом!» Жители стояли у своих окон, сопровождая взглядом его шатающуюся походку. Он залил виски в глотку и хрипло выкрикнул: «Уильям, у меня заканчивается виски, я иду к тебе!» Шатаясь, он подошел к дому Уильяма и кулаком постучал в дверь.

– Уильям! – выкрикнул Вальтер. – Сучий ты пес, – шепотом добавил он. – Открывай!

Вальтер начал бить кулаками в дверь.

– Не заставляй меня идти к этому свиноподобному Редклиффу!

– Что ты творишь?! – зашипел Уильям из окна.

– Старина Уильям, я не поверю, что ты, подобно этим трусливым овцам, – он махнул рукой с бутылкой, указывая на деревню, – испугался, поджав хвост!

– Хватит орать, ты пьян и нас могут увидеть!

– Они уже все видели! – растягивая слова в хмельном дурмане, произнес Вальтер. – Выходи сюда, у меня заканчивается виски, слышишь, Уильям?!

Он икнул и потупился назад.

– У меня есть деньги, – протянул он, будто сомнение в этом и было причиной отказа открыть ему дверь. – Давай, старина, продай мне бутылочку!

– Катись к черту! – шепотом выпалил Уильям и захлопнул окно.

Вальтер опустил взгляд и после безмолвного размышления с видом отупевшего пьяницы поднял голову и выкрикнул:

– А знаешь что? – он выдержал короткую паузу, складывая в своем пьяном уме слова, и повторил вопрос. – А знаешь что?! Если ты струсил, я помогу тебе и этим напуганным крысам! – он ехидно выделит последнее слово, махнув бутылкой в сторону соседних домов.

Остаток виски выплеснулся на его рукав, но он не обратил на это внимания.

– Я прямо сейчас пойду и сожгу этот проклятый дом! – отчаянно кричал он, заикаясь.

Он побрел по улице. Уильям наблюдал за ним через окно, за его спиной стояла его жена Фрея.

– Черт его побери, что он творит?!

Уильям суетливо заметался по дому, не в состоянии решить, что делать: выйти следом и отговорить Вальтера от такого поступка, либо не иметь с ним никаких дел, дабы не потерять репутацию.

– Уильям, не вздумай идти за ним! – испуганно простонала жена.

Он отмахнулся от нее и стал наблюдать за отчаявшимся Вальтером. Его темная неуклюжая фигура тащилась по улице. Вся деревня взглядом сопровождала его пьяную походку, кто-то осмелился выкрикнуть в окно: «Не вздумай этого делать, иди домой и проспись!» Вальтер не слышал ничего вокруг и, шатаясь, пересекал улицу. Подойдя к дому Фелиции, он остановился. Нахмутив брови, он смотрел на него, будто на заклятого врага, глотнув из бутылки и набравшись смелости для решения конфликта. Он взошел на веранду с решимостью воина, идущего на алтарь смерти. Он выплеснул остаток виски на дверь и стену. Швырнул пустую бутылку в окно и, шатаясь, оттянул карман. Трясущимися руками он чиркал одну за другой спички, и вдруг серная головка отскочила, вспыхнув в воздухе. Она дугой пролетела перед его глазами и упала на промокший от виски рукав. В одно мгновение его рубашка вспыхнула. Он с истерическими воплями начал махать рукой. Пламя мгновенно перекинулось на концы его

волос, и он, стиснув зубы, пытался выдрать их с корнями. Жители наблюдали за происходящим из своих окон. Женщины, прикрыв рот ладонью, в ужасе пускали слезы. Мужчины были на взводе. Некоторые из них накинули шляпы и схватили ружья, но выйти никто не осмелился. Бедолага Вальтер бросился через перила и начал кататься в грязи. Его нескончаемые вопли распространялись в темноте деревни. Спустя пару минут его движения замедлились, а голос пропал. Женщины безудержно рыдали, а мужчины сняли шляпы, прижав их к груди. В ту ночь никто не спал. Во всех домах горели лампы, в свете которых шепотом произносились молитвы. Мужчины напивались, положив рядом ружье. Детей оградили от ужасного зрелища, приказав им не покидать свои постели. Старшие из них молчаливо понимали, что снова произошло что-то ужасное, связанное с тем домом, а младшие, недоумевая, что происходит, повиновались строгим фырканьям своих матерей, прогонявших их обратно в постель. Под утро некоторые из мужчин уснули на столе рядом с пустыми кружками. Пробудил их пронзительный крик. Женщины подскочили к окнам, а мужчины в сонной спешке подняли ружья. Николас рыдал перед обгоревшим трупом отца. Он раз за разом вздымал голову к небесам и склонял ее к обугленной груди. Его взгляд при виде дома совместил жажду мести и всепоглощающее отчаянье ребенка, терпящего удар невосполнимой утраты.

– Я закончу начатое! – возопил он.

– Стой! – выкрикнул Уильям. – Не делай этого! Не подходи к дому!

Он подбежал к мальчишке и крепко его обнял, одним взглядом окинув обгоревший труп Вальтера.

– Нет! – протянул Николас и заколотил Уильяма по груди.

– Успокойся, мальчик мой, его уже не вернуть!

Преисполненный отеческой заботы, Уильям сильнее сжал мальчишку в своих объятиях. Николас протяжно рыдал, всхлипывая на плече мужчины. Уильям кивнул своей жене, что означало просьбу позаботиться о вдове, которой еще предстоит узнать об утрате.

На следующий день все жители деревни после отпевания вышли из церкви и пошли следом за гробом Вальтера. Во главе процессии шел его единственный сын Николас. Из-за его высокого роста вес гроба перемещался на других троих мужчин. Один из них был Уильям – его близкий друг. Второй – лорд Клинтон. Порядка двадцати лет назад они втроем первыми начали отстраивать на здешней земле свои владения. Вальтер разводил овец и производил наилучшую шерсть в Англии. Поговаривали, что даже царские особы тайком посылали к нему своих подопечных для крупных заказов. Он, по предложению Уильяма, покинул свое старое село, разграбленное очередными революционерами. Вальтер долго противился его уговорам. Прошел очередной натиск разбойников, в котором он стал свидетелем зверского убийства всей семьи, живущей по соседству. Подонки оставили в живых их единственную дочь и собирались надругаться над ней. Вальтер обменял ее неприкосновенность на тридцать овец и забрал девушку с собой. Ее звали Дакота. Отличительной приметой Дакоты была длинная коса цвета воронова крыла. Когда она расплетала ее перед зеркалом, по ее хрупким плечам до самых бедер ниспадали лоснящиеся локоны жгуче-черных волос. Ее темно-карие глаза были томными и мудрыми, она вся была наполнена каким-то невозмутимым спокойствием.

Как только деревня начала развиваться, ее центром стала церковь. Вальтер и Дакота незамедлительно обвенчались, после чего родился их первенец Николас. Дела шли хорошо, и численность стада восстановилась. Уильям промышлял купажем виски, но дикари разнесли в щепки все его производство, забрав ящики с готовым товаром. На первое время ему пригодился навык, которому обучил его отец. Уильям добывал осетровых рыб на горной реке и продавал икру и копченую рыбу. Когда его финансовое положение выровнялось, он отправился в ближайшее графство за покупкой необходимых компонентов для восстановления производства виски. Оттуда он вернулся не один, в его телеге сидела светловолосая молодая девушка.

Вальтер удивленно подшучивал над ним со словами: «Ишь ты, шустряк какой, тебя не было всего лишь неделю!» Девушку звали Фрея. Она на второй же день после переезда пошла под венец и стала законной женой Уильяма. Эта спешка казалась легкомысленной, словно они были подростками. Фрея сама по себе создавала впечатление юной заносчивой девицы, чем и очаровала Уильяма. Они были ровесниками, но с виду напоминали отца и дочь. Выйдя из церкви, она запрыгала от счастья и повисла на шее у своего супруга. Спустя год после пополнения в семье Вальтера, у Фреи и Уильяма родилась дочь. Уильям дал ей имя Агнесса. Она унаследовала от своей прапрабабки альбинизм. В первые годы ее жизни это пугало Уильяма. Ходило много слухов о короткой продолжительности жизни людей с такой наследственной особенностью. В ее внешности было все то, что художники называют красотой. Весь ее образ был так чист и непорочен, словно ее рисовали по эскизам детских снов. Эти белокурые, завораживающие волосы развевались на ветру, как шелковая вуаль. Уильям любовался ею, словно начинающий скульптор своим первым шедевром.

Когда она была подростком, на ее теле появилась единственная черная частичка – родинка на правой щеке ближе к маленькому аккуратному носику. Ее зеленые глаза, унаследованные от отца, украдкой поглядывали на привлекательные черты лица Николаса. В его узких скулах и строгом прямоугольном подбородке, в его коротких медных волосах и темно-карих глазах она разглядела своего первого избранника. Когда он попросил мать выстричь почти налысо все волосы от виска до виска, а теменные уложить назад, ее взгляд вспыхнул кокетством юной девочки. Нравом она была беспечна и временами крайне инфантильна. Фрея растила ее как принцессу, а Уильям по своему нраву был мягок и обходился с ней, как с фарфоровой куклой.

Когда Агнессе исполнилось пять лет, Фрея снова забеременела. Уильям никак не ожидал услышать слова повитухи о том, что ребенок родился мертвым. Он в одно мгновение побледнел и не смог проронить ни слова. Слезы навернулись у него на глазах, и он ринулся в комнату, но бабка его остановила. Она строго запретила беспокоить жену и приказала найти другое спальное место в доме. Фрея два месяца пролежала в постели и почти ничего не ела. Однажды бабка Гваделупа позволила ввести в ее комнату дочь, но мать никак не отреагировала на ее появление. Ее взгляд был настолько пустым, словно она прикоснулась к чему-то столь ужасному, что изменило всю ее сущность изнутри. Уильям при виде этих безжизненных глаз пытался неправдоподобно натянуть на свое лицо улыбку, но уголки губ дрожали, обличая нарочитость его эмоции. Этой наигранностью он пытался оказать жене поддержку, вернуть ей обратно веру в жизнь и вызвать в ней взаимное чувство. Но ответная реакция так и не проступала на ее мертвенно бледном лице.

Часы, проведенные в церкви за размышлениями, проходили незаметно. Святой отец сжег не один десяток свечей, молясь вместе с Уильямом за ее душу. И вот, однажды утром он застал ее сидящей на постели. Он молча встал перед ней на колени, словно человек, увидевший волшебство своими глазами. Расцеловав ее руки, он отметил в ее глазах зачатки жизненной силы и тяжелую усталость в ее лице. Он под руку провел ее по дому, словно влюбленный юноша, гуляющий по парку с девушкой. Она слегка прихрамывала и неловко волочила ноги. После она залпом выпила кружку воды и попросила вывести ее на улицу. Все жители застыли при виде нее, будто она была богиней, спустившейся с небес, а священник Уолтон в очередной раз убедился в великой силе Всевышнего. Перед его глазами явилось неоспоримое доказательство верно избранного им пути. Он безмолвно кивнул Уильяму в ответ на безграничную благодарность в его счастливых глазах. С того момента никто в этом доме не допускал даже мысли об еще одном ребенке.

Клинтон был вдовцом и, храня в своем сердце боль утраты, более не хотел вступать в брак. Он носил только черную одежду. Все шляпы, рубашки и прочее были сшиты из черного сукна. Лицо его было круглым, а выжженная солнцем кожа покрывалась морщинами. Он уха-

живал за аккуратной линией бороды от уха до уха и любил подкрутить кончики усов. Отсутствие плоского живота с лихвой компенсировалось атлетическими плечами и крепкой красной шеей с десятком толстых жилок под свисающей кожей. За несколько лет до основания деревни он попросил отставку у своего монарха, отказавшись от титула лорда. Он выкупил у Уильяма коптильни и рыбацкие приспособления и продолжил его ремесло. Варвары не знали о восхождении нового поселения, да и найти его было трудно. В эти края они не наведывались, и деревня стремительно разрасталась. Все избитые и разграбленные жилища соседних деревень съезжались сюда и находили приют и помощь на первое время.

Все эти воспоминания оживали в памяти мужчин, несущих гроб. Тяжелая скорбь в выражении их лиц сдерживалась свойственным мужчинам нравом, накладывающим запрет на проявление чувств. Лицо Николаса было бледным, его синие глаза стали пустыми, словно он не видел ничего перед собой. Его слух улавливал плач его матери, идущей позади в толпе соседских женщин. Фрея крепко обнимала ее за плечи, и сама едва сдерживала поток сильных чувств. Из ее покрасневших глаз катились слезы, вызванные состраданием тяжелой утрате вдовы. Преодолев спуск к кладбищу, мужчины осторожно положили гроб возле вырытой ямы и выпрямились. Дакота в очередной раз зашла в рыданиях, увидев мраморное лицо супруга. Она уткнулась лицом в плечо Фрей, не желая видеть погребение. Народ молча крестился возле гроба с напуганными лицами. Николас смотрел на труп отца, не выказывая никаких чувств, но всем своим существом он хотел заорать во все горло и кинуться уничтожить все, что хоть как-то связано с его смертью. Это желание сдерживалось каким-то холодным чувством расчетливости. Оно говорило ему о бесполезности проявления чувств, которые не приведут ни к чему, кроме возможной потери сознания у матери. Оно подсказывало ему действия иного характера, но какого, он пока что не понимал. Уильям встретился с ним взглядом. Николас ответил коротким кивком на этот взгляд, и они провели две длинные веревки под гробом. Следом они накрыли его крышкой и медленно подняли веревками над землей. Когда гроб осторожно опускали в яму, Фрея схватила вдову за затылок и прижала ее лицо к своему плечу, чтобы она случайно не увидела эту кошмарную процедуру. Веревки были брошены поверх гроба, и кладбище огласилось звуками лопат, втыкаемых в землю. Дакота услышала звуки падающих кусков земли на крышку гроба и завывала, как раненый зверь. Она испустила этот душераздирающий стон из последних сил. По щеке Николаса потекла слеза, но он продолжал механически зарывать могилу. В это мгновение ему казалось, что он закапывает самого себя, а не могилу отца. Когда слой земли покрыл гроб, Фрея отпустила вдову и сжала губы, приложив к ним платок. Дакота, шатаясь, словно пьяная, подошла к яме и бросила в нее горсть земли. Спустя минуту Фрея подняла ее на ноги и увела с кладбища. Николас стоял перед могилой отца. Клинтон вбил в нее деревянный крест и стряхнул с него мелкие опилки. В течение десяти минут они безмолвно стояли перед могилой, после чего Клинтон собрал все лопаты. Уильям и Клинтон соболезненно похлопали Николаса по плечу и покинули кладбище. Николас остался на месте. Его короткие медного цвета волосы топорщились в стороны. Он приподнял ворот рубахи, закрывая большое родимое пятно на шее. Он всегда носил одежду, позволяющую скрывать шею. В его мыслях нескончаемым потоком проносились моменты из жизни. Ему вспомнилось, как отец за столом в компании Клинтона и Уильяма с самодовольным хмельным лицом рассказывал о том, как они основывали эту землю. В его лице проступала мужественная гордость завоевателя, который уверен в заслуженности своего нынешнего положения. Он никогда не забывал подшучивать над Уильямом о его скоропостижной женитьбе и о том, как он однажды выпал из лодки, когда в его сетях запутался здоровенный лосось. Он никогда не мог рассказать эту историю до конца без запинки и всякий раз закатывался звонким смехом с мокротной хрипотой. Николас воодушевлялся, когда видел, как благоговейно отец гладит руку матери, вспоминая за столом о том, как спас ее от вандалов. Глаза матери всегда блестели от этих воспоминаний, в них читалась безмерная благодарность и женственная покорность.

Он не заметил, как простоял около получаса возле могилы. Вернувшись из мыслей в реальность, он осмотрелся по сторонам. Кладбище давно опустело, остались только мертвые. Он медленно повернулся и потащился в сторону деревни.

– Берегитесь лжепророков, что приходят в овечьем обличи... – декларировал преподобный Уолтон.

Его голос звенел в стенах божьей обители, пропитанной запахом воска. Жители поселения внимали его словам с лицами детей, увидевших чудо. Они молчали, позволяя церкви наполняться звуками, которые испокон веков символизировали смысл жизни. Огоньки свечей изредка потрескивали, качаясь от сквозняка. Между словами священника было слышно воркованье голубей на крыше. Когда Уолтон произнес: «Помолимся!», все склонили головы перед ладонями, сложенными в замок. Божий дом наполнился приглушенным шепотом, преподобный захлопнул книгу и склонил голову перед прихожанами. По окончании службы народ покидал церковь. Все как один покорно кланялись божьему дому и крестились. После мужчины покрывали головы шляпами и разбрелись по поселению. Уильям не покидал своего места до тех пор, пока не остался один на один со священником. Всем своим видом он напоминал нашкодившего мальчишку, который, преисполнившись угрызениями совести, идет к родителям сознаться в своем проступке. Священник кивнул ему с понимающим взглядом, и тот осмелился подняться со скамьи.

– Отец, меня мучает совесть, – осторожно заикаясь, промолвил он. – Вальтер, мой друг Вальтер...

Он зашелся в рыданиях.

– Ничего, сын мой, не вини себя, – назидательно начал священник. – Пути господни неисповедимы, и так должно было случиться.

– Но я мог! – прорвалось сквозь рыдания.

– Когда познаешь дьявола, он познает тебя. Ты не в силах мешать великой божьей руке, – буднично ответил священник и покачал перед его лицом Библией.

Уильям глубоко вдохнул и доверчиво кивнул головой.

– Мы живем в страхе, этот проклятый дом сводит нас с ума! – выпалил Уильям.

– Если вы несете слово божье, вам нечего бояться, оно уберезит вас от всех невзгод, – изрек священник, словно уличая Уильяма в утрате веры.

Уильям вытер лицо рукавом и покинул церковь, даже не поклонившись ее величю.

По всей деревне носились испуганные шепотки. Все как один переживали за участь вдовы и единственного сына Вальтера, но сказать об этом лично никто не решался. «Кажется, они собираются покинуть деревню» или «Николас будет тем, кто закончит этот кошмар раз и навсегда, он сожжет дом» – такие тайком сказанные догадки можно было слышать за каждым углом и в каждом доме на фоне треска дров в печи. Некоторые женщины, преисполненные мучительного страдания, шептались: «Кажется, она была беременна». После этой фразы собеседницы прикрывали рты ладонью и пускали слезу. Наверняка никто ничего не мог знать, вдова не покидала дом, а при виде Николаса все впадали в безмолвный ступор. Никто не смел задать ему какой-либо вопрос. Парень сохранял молчаливую сдержанность подобно свету в окнах его дома.

Хлопоты по заготовке припасов в зиму отвлекли людей от бесконечных пересудов. Усталость пришла на смену нарастающему страху, а толки о ведьмином доме сменились сетованиями на скудость урожая в этом году.

Однажды один из местных жителей столкнулся с повитухой возле забора одного из домов поселения. Она окинула его пустым взглядом и, склонив голову, поторопилась прочь. Мужчина недоуменно посмотрел ей вслед и вошел в калитку.

– Вернон, старина, что случилось? – спросил он.

– Все в порядке, Гвеннет беременна, – пока еще сам не до конца осознав это, ответил Вернон.

– Вот это новость! Поздравляю, приятель!

Вернон заметил нарочитость в голосе гостя, вызывающую подозрения относительно целей его визита. За его спиной у окна стояли его жена Гвеннет и дочь Эвелин. Гвеннет была набожная и строгая женщина. Ее поджатые алые губы заключались в сдержанный маленький ротик. Все ее лицо словно осуждало каждого встречного за его безбожие. Русые волосы всегда были аккуратно и строго собраны в пучок, оголяя тем самым широкие скулы со впалыми щеками. От постоянной напряженности ее лицо постепенно покрывалось маленькими морщинками. Кожа была цвета ее характера – холодная с сероватым оттенком. Все эмоции и любое проявление чего-либо человеческого были у нее под запретом. Держалась она сухо и строго, подобно машине, работавшей по короткому алгоритму. Если ей доводилось разговаривать с кем-то, кто, по ее внимательным наблюдениям, гораздо реже нее посещает церковь, то ее речь звучала словно унижительная пощечина – в такой манере она разговаривала со своей старшей дочерью, которая ни разу не переступала порог церкви. Она была беременна уже четвертым ребенком несмотря на то, что после первой брачной ночи со своим супругом Верноном отозвалась о процессе зачатия, как о самом постыдном времяпровождении, какое она могла видеть.

Ее первая дочь Эвелин всем своим существом ставила под сомнение ее родство с Гвеннет. Она не унаследовала такой набожности и бесчувственной строгости, чего нельзя было сказать о красоте. Только мать была приучена скрывать ее за слоями сукна и шерсти, а дочь была внешне так же беспечна, как и ее подростковый нрав. К семнадцати годам ее стройное тело начало обретать формы, а нежелание обмотать этот стыд несколькими юбками и рубашками вызывало у матери суеверный страх. Иной раз, ложась в постель с мужем, она лукаво заявляла об усталости из-за перехода от одного постыдного к другому. От скандалов с дочерью и укоров в одержимости к исполнению супружеского долга. Она считала себя рабыней божьей, ниспосланной на землю для такого рода страданий, чтобы вразумить их обоих, как удалось вразумить двоих младших детей. Они толком не успели понять, кто они такие, но уже уяснили, что все грех, кроме мучений на брэнной земле, свет на которую проливает служба Всевышнему. Та самая повитуха десять лет назад под истошные крики Гвеннет вывела из ее чрева мальчика и девочку. Вернон дал им имена – Черилин и Гильберт. А мать передала детям чувство вины и стыда. К очередной беременности она отнеслась как к божьей воле, связанной с ее миссией в этом телесном воплощении.

Эвелин держала в своих белых ладонях браслет, который она сняла с ноги, и спросила:

– Кто этот человек?

Гвеннет, испытав легкий гнев на то, что эта мерзавка смеет задавать вопросы, ответила сквозь зубы:

– Редклифф. Безбожный лентяй. Наверное, опять пришел просить припасы на зиму. Если бы пил поменьше вина, то господь наградил бы его богатым урожаем, ведь земля – это отражение тех, кто о ней заботится.

Мужчины, разговаривая за окном, начали жестикулировать.

– Послушай, Редклифф, я все понимаю, такое случается, но у тебя почему-то каждый год одно и то же. Я не могу дать тебе еще припасы, ты за прошлый год со мной не рассчитался.

– Вернон, да пойми же ты наконец, не повезло мне с этой землей, она дает скверный урожай. Мне больше не к кому обратиться, пожалуйста, Вернон!

Вернон отрицательно закачал головой, отводя взгляд в сторону.

– Я не могу, у меня скоро будет ребенок, и я не могу раздавать запасы!

В этот момент в сарае хрюкнула свинья, Редклифф перевел взгляд на нее.

– Знаешь, Вернон, ты ничуть не лучше этого грязного животного, – Вернон начал гневно кивать головой, будто соглашаясь с его словами, но желая побыстрее их выслушать и прекратить этот разговор. – Ты еще пожалеешь об этом!

– Непременно, Редклифф, а теперь уходи, – спокойно ответил он, глядя ему в глаза.

Редклифф покинул двор с таким выражением лица, в котором читалось обещание расправы.

Люди двигались по улицам напряженно, будто накрытые аурой несчастья. Редклифф всегда был озадачен какими-то размышлениями, его не интересовало то, о чем шепчутся жители. Если бы хоть кто-то начал с ним разговор о том доме, то он с видом удивленного тупицы спросил бы: «Какая еще ведьма? Какой дом?» Он отхлебнул вино из бурдюка, вечно болтающегося на его поясе, и продолжил шлепать по грязи. Вся его наружность соответствовала пейзажу. Кожа на его лице была похожа на шкурку помидора, засиженного мухами. Неряшливый оборванец с запахом вина и пожелтевшим остатком зубов не вызывал доверия у поселенцев. Один лишь Вернон однажды оказал ему помощь с припасами на зиму. Остальные сторонились его, окидывая взглядом, полным презрения. Длинные жирные космы болтались из-под дырявой шляпы и падали на плечи рубахи непонятного цвета. Самым чистым элементом его внешности был бурдюк на поясе, из которого пил вино еще его прапрадед. Его дом стоял на окраине поселения. Земля, как он характеризовал ее, была действительно неплодородной, но это не касалось винограда. Он устроил целую винокурню в своем сарае и делал чертовски крепкое вино. Снимая пробу с каждой новой партии, он морщился подобно сидящему в первых рядах ценителю инструментальной музыки, страдающему от гиперакузии. Всякий раз после этого он с озлобленным удивлением произносил вслух: «Ну и какого черта у этого доходяги Уильяма дела идут куда лучше, чем у меня?» Скот в этом сарае не приживался. Целый выводок цыплят постепенно вымер от этиловой вони, индюков загрызли собаки с голоду, а бедная корова сама померла голодной смертью. В живых оставалась только лошадь, да и та всем видом давала понять, что уже двумя копытами в могиле.

У Редклиффа было двое младших сыновей. Единственным их отличием друг от друга был час появления на этой земле. Из-за умопомрачительной схожести в поведении и внешности отец называл их башмаками. Его старший сын Эдвин, непонятно как выживший после бесконечной пьяной порки, был молчаливым худощавым юношей. Его овальное лицо с припухлым носом редко выказывало какую-либо эмоцию, будто ему наплевать вообще на все вокруг. Карие глаза избегали встреч с посторонними взглядами и чаще всего смотрели вниз. Светлые волосы касались кончиками аккуратных ушей и выглядели словно горшочек на его голове. Он всем своим существом ненавидел отчий дом и старался как можно чаще бывать подальше от него. Ему не давал покоя безмолвный вопрос о том, как его мать не может наконец-таки разглядеть в своем муже тупого пьяницу, а не величайшего героя и мученика. Ее рост был так же низок, как и интеллект. Немного полноватая низкорослая женщина была похожа на бочку фигурой и цветом волос. Ее лицо и взгляд были как у потерявшейся в лесу девочки, впрочем, как и голос ее был пропитан интонациями испуганного ребенка. Плохой урожай, бесконечно умирающий скот и гниющий дом – все это для нее никак не было связано с пьянством супруга. Всему виной неплодородная земля, как говорил он. Временами Редклифф замечал поразительное сходство его жены с его матерью, что, вполне возможно, послужило поводом вступить в брак. Но стоило ему заметить какое-то различие, как он тут же гневно заявлял ей об этом, а она покорно суетилась, чтобы все исправить. В воспитании детей она не принимала участия, за исключением тех моментов, когда приходилось успокаивать избитых отпрысков после очередной порции пьяных розог. Впрочем, такая услуга нередко требовалась и ей самой. Башмаки испуганно обнимали плачущую на полу мать, а старший сын стоял рядом. По мере взросления его взгляд говорил без слов: «Это плата за твой выбор, и мы в этом не виноваты». После чего он покидал дом под вопли отца и бродил по лесу в одиночестве.

– Какого черта! – прохрипел Редклифф, вваливаясь в дом. – Эдвин! Я же велел тебе смазать петли. Скрипят, как в бесхозном сарае!

Эдвин что-то еле слышно пробормотал.

– Хватит огрызаться! Масло на чердаке! – загавкал Редклифф.

Эдвин торопливо выскочил из дома и хлопнул дверь.

– Никчемный балбес! – прозвучало ему вслед.

Редклифф развалился на скамейке у входа, стаскивая свои рваные грязные сапоги.

– Этот негодяй Вернон, – одышка овладела им на несколько секунд. – Этот недоумок обрюхатил свою женушку и теперь держится за каждый ломоть хлеба!

– Он отказал тебе?! – в чрезвычайном удивлении возмутилась жена, будто у Вернона не было повода для этого.

– Клэр, чем здесь так воняет?

Клэр недоумевающе пожала плечами. Запах поднялся от снятых сапог.

Эдвин всегда покидал дом щегольской походкой дворового хулигана, его движения пронизывала свобода. На самой широкой улице шумела ярмарка. Ряды прилавков были заполнены деликатесами, овощами, свежей рыбой, медом и целебными травами. Эдвин с ловкостью бывалого воришки сдернул чесночный батон с одного из прилавков. С нагловатым самодовольством он принялся его уплетать, ловко проскакивая между суетящихся людей. Между двух предпоследних прилавков он резко свернул налево, там он запнулся об курицу и обронил батон. В него полетели перья вперемешку с кудахтаньем, потный бородатый торговец осыпал его непечатной бранью и пнул курицу обратно в загон. Эдвин продолжал шнырять между рядов, набивая карманы орехами и сухофруктами. За очередным поворотом он с ловкостью кота, крадущего еду с хозяйского стола, свистнул яблоко из ящика, пока торговец был занят покупателем. Парень с аппетитом откусил сразу треть яблока и услышал мягкий и тонкий голосок за своей спиной.

– Кажется, ты забыл заплатить за него.

Эдвин застыл в ступоре с открытым ртом, набитым яблоком.

– Это же ты, ты с той реки, – проронил он, когда оглянулся.

За ним стояла Эвелин. Ее русые волосы лоснились, переплетаясь с веревочками чепца. Она поправила левую прядь, закрывавшую один глаз. Взгляд этих зеленых глаз был игривый и обезоруживающий, словно она намекала на что-то. Аккуратный маленький носик по весне покрывался рыжими пятнами, а сейчас был естественного телесного цвета. Губки были светло-розового оттенка, их форма создавала впечатление, будто она всегда что-то хочет сказать. Немножко широковатые щеки плохо сочетались с маленьким носиком, но это не бросалось в глаза как явный недостаток. Он окинул взглядом ее шерстяную тунику и белую юбку, заострив внимание на ноге с браслетом из разноцветных бус на шерстяной нитке. Она поджала губки, будто обиженный ребенок, лишенный конфет за проказы. Он смотрел в ее розовое круглое лицо, и его взгляд был прерван ее ладонью. Лихая пощечина ее гладкой и мягкой руки была ему даже приятна, но он все-таки нашел в себе горсть возмущения и выразил ее словами:

– За что?!

– За то, что подглядывал! – выпалила она.

Эдвин, немного замешкавшись, обронил еле слышимое извинение и добавил:

– Хочешь яблоко?

Он протянул ей огрызок и в эту же секунду сконфузился от глупости своего поступка. Заторопившись его исправить, он не нашел ничего более подходящего, как вымолвить:

– Сейчас я возьму тебе другое.

С губ Эвелин слетел придавленный девичий смешок, и она добавила:

– Я не ем краденые яблоки.

– Может быть, тогда, – начал он, доставая награбленное из карманов, – сушеный инжир?

– Зачем ты столько крадешь? Ты из бедной семьи, что ли? – Эвелин хитренько наморщила носик в гримасе легкого упрека.

Эдвин опустил взгляд, не понимая, что ответить. Отрицание и согласие были уместны одновременно.

– Тогда я тебя угощу, идем!

Эдвин, переполненный стыдом, потащился следом за ней.

– Как тебя зовут? – спросила она.

Он, будто вор на допросе, желающий избежать наказания, нехотя произнес свое имя.

– А меня – Эвелин, – ответила она, выбирая томаты.

Созвучие их имен отразилось на лице Эдвина удивлением, будто он обнаружил гороховый стручок на виноградном кусте. Она шла между рядов подобно хозяйке этой ярмарки. С утонченным пристрастием относясь к выбору самых лучших и свежих овощей и фруктов. Эдвин настолько привык незаметно и быстро похищать эти товары, что ее методичность действий возле прилавка вызывала в нем вопросительное удивление. Она казалась чем-то категорически противоположным его естеству. Эдвин чувствовал манящую особенность этой противоположности, как первооткрыватель испытывает тягу к неизведанному.

– Кто твои родители? – спросила она, пытаясь поймать его опущенный в ноги взгляд.

– Мы живем на окраине, моего отца здесь каждая собака знает.

На ее лице отразился вопрос, который она хотела начать словами: «Тот самый пьяница?»

– Да, – ответил он на ее безмолвную догадку.

– Он приходил к нам, – сочувственным тоном начала она, – мой отец отказал ему в помощи.

– Это вы в прошлый год одолжили нам еду? – виновато обронил он.

– Одолжили бы и в этом, но моя мать беременна, и отец посчитал...

Он не дал ей договорить, взяв ее за руку, будто этот жест был вершиной благодарности, которую он мог себе позволить. Прикосновение их рук продлилось на миг дольше, чем того требовали приличия. Эвелин смущенно вытянула ладошку из его рук и пошла дальше мимо прилавка.

– Передай своему отцу извинения от меня.

– За что ты извиняешься? – резко спросила она.

– За попрошайничество моего отца.

– Но ты не выбирал себе родителей и не должен испытывать вину за них! – произнесла она тоном заботливого учителя, насаждающего в умы юных учеников очередную теорему.

Эдвин решительно не понял эту теорему и погрузился в размышление о том, каково это – не испытывать чувства вины.

– Порой мне кажется, – продолжила она, и Эдвин бросил свои размышления, переведя взгляд на ее вдумчивое лицо, – что я тоже испытываю это чувство. Моя мать отдала бы жизнь, если бы ей пригрозили отобрать у нее Библию, а я совсем не такая. Я не хочу ее читать и следовать выдуманному кем-то правилам.

– Это как если бы меня заставляли хлебать отцовское вино в знак признательности ему, – пробормотал Эдвин, будто роняя слова себе под ноги.

Она смотрела на него непонимающим взглядом. В этих словах она услышала что-то, что не сразу усвоилось ее разумом, но взгляд ее изменился. Этот взгляд отбросил наложенное ею клише щеголеватого воришки и начал распознавать в нем что-то недоступное всему миру, спрятанное в его карих глазах.

– Это точно, – медленно и с ноткой зависти произнесла она, будто он слишком быстро разгадал загадку, над которой она очень долго размышляла.

– Мне кажется, – подхватил он, наконец разломав скорлупу грецкого ореха, – люди не могут жить без зависимости от чего-то. Это путь слепой овцы, избранный моей матерью.

Она смотрела ему в лицо, и в ответ на вопрос в ее взгляде он добавил:

– Я не знаю, можно ли быть одурманенным чужой глупостью так же, как вином. Я не понимаю, как можно игнорировать очевидное, будто ты сам слеп, как от хмеля. Она видит в нем великомученика, а я – тупого осла...

Он оборвал свою речь и потрясенно умолк, осознав, что не хотел этого говорить. Она смотрела на него, словно следя за ходом его мысли. Они уже не замечали суеты вокруг, Эвелин изредка убирала неподатливую прядь волос, закрывающую ее левый глаз. За их спинами послышалось:

– Эй! Эдвин, верни орехи!

Из ярмарочной толпы неловкими короткими шагами выбежал пузатый, с курчавыми волосами торговец.

– Вы со своим папашей уже довольно меня обнесли, вернись!

Эвелин прикрыла рот ладонью, подавив игривый смешок. Эдвин подхватил ее под руку, и они побежали прочь через лес.

Агнесса бежала навстречу солнцу по полю в высокой высохшей траве. Ее белое платье цеплялось за кончики травинки и вздымалось в воздухе, подобно ее волосам. Пытаясь догнать закат, она игриво смеялась. Улыбка на ее лице искрилась детской беззаботностью. Ее не волновали происшествия в деревне, она на миг даже забыла о гибели отца своего любимого Николаса. Он торопливым шагом пытался поспеть за ней. Его медные волосы осветило ярко-рыжим светом закатного солнца, теплый ветер топорщил их в стороны. Парню хотелось заразиться беззаботностью его возлюбленной, но что-то горестное сдерживало этот детский порыв. Он простил этому ангелу отсутствие сочувствия его утрате и по-отечески позволил ребенку быть счастливым, невзирая на горести. Они часто ходили на западную часть равнины, где поле резко заканчивалось десятиардовым обрывом вниз. Утес был усыпан камнями, а внизу кипящим потоком неслась река. Солнечный диск закатывался за скалистые горы на горизонте, за этим можно было наблюдать, расположившись на огромном валуне. Дыхание Агнессы сбивалось всякий раз, словно она была здесь впервые. Прохладная сырость поднималась от реки, вызывая мурашки по коже.

Они взобрались на огромный камень и сели рядом. Агнесса свесила ножки, расправив по ним платье. Она несколько минут воодушевленно любовалась закатом, после чего склонила голову на плечо Николаса. Он был немного хмур, но какая-то его часть растаяла в эту секунду, и он приложил свою щеку к ее темени. Ее пляшущие по ветру волосы щекотали его лицо. На сердце застыло что-то ледяное и твердое, не давая ему погружаться в момент. Ему хотелось отдаться чувствам так же легко, как это делала Агнесса, но выходило лишь деланное подыгрывание, подобно вовлеченному ребенком родителю в детские игры. Когда солнце наполовину скрылось за горизонтом, Агнесса подняла взгляд на него.

– Что ты чувствуешь? – мелодичным шепотом спросила она.

– Будто что-то привычное стало совсем иным. Совсем не таким, как раньше, – ответил он, не отводя взгляд от заката.

– Как ты переносишь его смерть? – с ноткой горечи во взгляде продолжила Агнесса.

– Мне кажется, я пока еще не понял, что произошло. – Он прищурил глаза, пытаясь вдуматься в самого себя. – Будто часть меня просто отсоединилась от меня.

Она положила голову обратно на его плечо.

– Мой отец винит себя в его смерти.

Николас еле заметно усмехнулся, спрятав эту эмоцию под непоколебимой холодностью.

– Знаешь, в такие моменты осознаешь, что эта жизнь до боли скоротечна и лучше ловить каждый ее момент, – пытаясь угнаться взглядом за потоком реки, продолжала Агнесса.

– А я каждый момент трачу на то, чтобы понять, что за чувство меня одолевает.

Она снова подняла пытливым взгляд на него и спросила:

– И какое же оно?

– Будто я что-то упустил, что-то не сделал, но не могу понять, что... – отвечал он, и голос его звучал отстраненно, будто он отвечал не ей, а собственным мыслям.

В ее взгляде застыл безмолвный вопрос.

– Не знаю... – после короткого молчания обронил он и опустил взгляд на колени.

Она провела пальцами по его волосам, поправив прическу. Проявляя очаровательную способность смягчать серьезность своих слов, она произнесла:

– Боль утраты не бесконечна, просто проживи ее.

Он ничего не ответил, лишь отвел взгляд в сторону. Ветер становился холоднее, гоня по воздуху запах речной воды. Они просидели молча примерно полчаса, оставшиеся до темноты. Агнесса неотрывно смотрела на постепенно скрывающийся за горой солнечный диск, Николас бегал взглядом по сторонам. Уловив легкую дрожь ее тела, он снял с себя безрукавную накидку из овечьей шерсти и накинул на ее белые плечи. Их силуэты на фоне красно-желтого неба спустились с камня на землю и неторопливо направились обратно в деревню через поля.

Эдвин оттянул кусты и пропустил Эвелин вперед, они пришли к тому самому берегу, где впервые увиделись. Он впервые обратил внимание на корзинку в ее руке и постыдился того, что не помог девушке нести эту тяжелую, доверху набитую кладь. Когда закатное зарево обрисовывало горизонт алым светом, воздух наполнился прохладной сыростью. Казалось, жабы соревновались, кто из них квакнет громче. Зеркальная гладь воды, местами усыпанная желтыми листьями, была непоколебима, как расплавленная сталь в ожидании перевоплощения в новую форму выплавки. Эдвин украдкой любовался девушкой, рискуя заработать косоглазие. Он всякий раз отводил взгляд, когда она поворачивалась в его сторону. Где-то на том берегу прозвучал выкрик неизвестной птицы, после которого парень заговорил.

– Однажды он выпорол меня за кражу только потому, что меня заметили, хотя сам же меня этому и научил.

Эвелин положила свою головку на колено, чуть улыбнувшись, и эта улыбка заменила стон понимания. Она ответила, не выдавая ни лицом, ни голосом никаких чувств:

– Есть на свете истина, которая познается через страдания.

Эдвин оттянул воротник рубахи, под которым остался шрам, походящий на толстого червя, паразитирующего под кожей. Эвелин пугливо смутилась, будто он скрытно из кармана показал ей пистолет. Ей потребовалась примерно минута на расщепление этого чувства, после чего она спросила:

– Как ты думаешь, есть ли поистине счастливый человек? Ну вот хотя бы в этой деревне? «И это я!» – прозвучало в его мыслях.

– Не знаю, наверное, есть. – Произнес он вслух.

Такое разногласие в его сознании погрузило его в мертвенный туман бессмысленности, который был рассеян ее словами:

– Кажется, мне пора, а то придется гореть в аду за такие поздние прогулки.

Она выделила последние слова таким тоном, каким дети, дразнясь, повторяют слова, вызывающие у них насмешку.

Эдвин взял ее корзину и оттянул ветки куста, пропуская Эвелин вперед. Он окинул взглядом берег и реку, безмолвно прощаясь и благодаря это место за возможность провести время рядом с ней. Они разошлись по разным сторонам в пустом сумраке главной улицы, где уже не было ни единой души.

Эдвин свободным шагом направлялся к дому. Мальчишеские мечтания заполняли его мысли, и на его лице иной раз проступала улыбка, переходящая в смех. За улыбкой следовал пристыженный ступор, будто ему кто-то резко возразил о том, что он слишком размечтался. Он оторвал кончик длинной травинки и нервно теребил его пальцами. Шаги его замедлились,

когда сквозь сумрак он разглядел знакомую фигуру. Эта фигура запрокинула голову с бурдюком в зубах и после глотка сдавленно выдохнула с паром изо рта. Обычно к этому времени отец спал, сотрясая дом мощным пьяным храпом. Эдвин на долю секунды остановился, не сводя с него взгляда. Отец зажег подсвечник, и его обвисшее лицо наполовину осветилось красным светом. На этой части его физиономии появился очередной фингал.

– Чего замер?! – прохрипел он.

Эдвин неуверенным шагом направился к дому. Отец, покачиваясь, встал. Они встретились лицом к лицу на веранде.

– Тебе орехи грызть, а мне отвечать за это?

Он медленно указал пальцем на почерневший глаз. Эдвина покорило.

– Отвечай!

Эдвин почувствовал спиртовой запах и капли противной слюны. Отец резким взмахом левой руки схватил его за затылок. Юноша ловко выгнул крепкую шею, высвободив голову из захвата. Отец выражением лица озвучил фразу: «Я тебе сейчас все зубы пересчитаю». Сын выдержал этот взгляд, продемонстрировав ему холодное безразличие. Он смотрел исподлобья на ненавистное ему лицо. Грязную морду ничтожного уличного пса, твякающего, поджав хвост, но никак не мог понять природу страха перед ним. Этот страх был внутри него, он был меньше него, но гораздо сильнее. Его верхняя губа затряслась от осознания своей ничтожности перед этим ублюдком, и именно этот парадокс его пугал больше всего. Никакое физическое насилие его не страшило. Более того, он был до крайности уверен в том, что вцепись он хоть прямо сейчас в эту обвисшую морщинистую глотку, то через нее больше никогда не пройдет ни капли вина, если вдруг не придется вливать его в труп. Нужно было заступиться за что-то маленькое, порождающее внутри него страх, но управиться с этими чувствами он пока еще не умел. Отец схватил его за воротник, оголив старый шрам.

– Мало я тебя порол?!

Он потащил сына к дверям, Эдвин уперся руками в его лапу и вынырнул из рубашки. Его хрупкий белый торс с поджатыми плечами показался отцу нелепым и даже противным. Он швырнул рубашку в сторону и взял со стола кочергу, заранее подготовленную. Эдвин не смог справиться с наплывом чувств и затрясся всем телом. Он со стыдом повиновался его действиям и спустя секунду ощутил металлические удары на своей спине. В последующие две минуты мучились оба. Оба корчились от физической боли, несмотря на то, что акт насильственного воспитания проводился в отношении одного. Редклифф, остановись он хоть на секунду и трезво взгляни внутрь себя, пришел бы в ужас от силы удара той кочерги, которая заставляет его это делать. Этот гнев, направляемый этиловым спиртом не в то русло, передавался в его роду уже несколько поколений, но ни у одного из мужчин в их семье так и не нашлось смелости заглянуть в эту бездну. Все шло простым и проверенным путем, ломая своих детей, по образу и подобию своей никчемной и пустой души отвергнутого ребенка. Эдвин выдержал розги с выражением лица раба, осознающего безысходность своего положения. После железного звона кочерги, упавшей возле его ног, он вдохнул немного воздуха, как порцию обезболивающего, и сдержал все рыдания, толкающиеся комом в его горле. Отец тяжелыми шагами удалился в дом, Эдвин остался сидеть на полу веранды возле стола. Огонек свечи изредка покачивался, бросая тень от его головы из стороны в сторону.

Чередовались дни, а за ними недели, проведенные на том берегу. Эдвин позволял себе прикасаться к пряди ее волос, заправляя ее за ухо. Мальчишеский благоговейный трепет каждый раз заставлял его руку дрожать. Реальность становилась для них осязаемой и пригодной для существования. Это сладостное бегство из родительского дома в свободный от порицания мир, имело постыдную цель наркомана, жаждущего всплеска эндорфина. После таких инъек-

ций чрезмерно набожная мать или до низости безбожный отец переносились как легкий симптом без продолжительной хандры.

Октябрь подходил к концу. В последний его день жители, вытирая пот со лба, заканчивали уборку урожая и готовились праздновать окончание сельскохозяйственного года. В ночь на первое ноября в поселении было шумно, жгли огромный костер, вокруг которого кружились танцы. Молодежь веселилась под виртуозные звуки скрипки, а те, что постарше, сидели подле и незаметно пританцовывали ногами. Редклифф бродил в толпе в поисках выгоды, его фигура изворотливого жулика сновала по всей главной площади. Наконец-таки он нашел, с кем, а самое главное – за чей счет залить за шиворот. Ему на глаза попался Норман, здешний сыровар, наружность которого еще не совсем, но уже почти имела сходства с внешностью Редклиффа. Он заприметил сначала бутылку у него в руке, а потом его самого. Стоит заметить, что они были даже не знакомы, чем Редклифф и воспользовался. Включив свою подхалимскую наигранную услужливость с манерами вышколенного лакея, он многозначно положил правую руку на их рукопожатие, пытаясь достигнуть вершины дружеского доверия.

– Норман, старина, рад тебя видеть, – Редклифф пустил в ход все мошеннические приемы и к рукопожатию добавил приятельское похлопывание по плечу. – Как поживаешь?

Норман, огорошенный удивлением, растерялся в собственных словах. Редклифф заприметил у жертвы нужные ему реакции и продолжил фальшивить, не давая ему ответить.

– Как урожай? Ты с горя напиваешься?

Они оба опустили взгляд на бутылку. Норман так и не проронил ни слова, коротко жестикулируя, будто допился до потери дара речи.

– Что это у тебя? – Редклифф аккуратно, с видом искусного сомелье, приподнял бутылку перед собой и всмотрелся в нее, прищурился глазами, будто читая место происхождения буржуазного напитка, вот только никаких этикеток на бутылке не было. – Пойло Уильяма? Ну, попробуем!

Пробка вышла из горлышка со звуком выразительного поцелуя. Редклифф, смакуя, сделал глоток, перекачивая напиток по всей полости рта.

– Да у моей мамки молоко было крепче! – возмутился он с жаром оскорбленной высокопоставленной личности.

Его задело явное отсутствие конкурирующего основания у продукта, имеющего успех нечестным образом. Он продолжал поносить Уильяма, укоряя его в некомпетентности, до тех пор, пока не столкнулся с изготовителем взглядом. Уильям стоял в толпе празднующих, его вниманием завладели комментарии от конкурента. Редклифф резко заткнулся и отсалютовал Уильяму, безмолвно предлагая выпить с ним в честь праздника. Медленным кивком головы и на секунду прикрытыми глазами он молча выразил благодарность за шедевр в его руке. Уильям кивнул, позволяя этому хаму пить его творение, но взглядом дал понять, что он слышал каждое слово.

Эвелин нашла в толпе знакомую фигуру. Она игриво улыбнулась, любуясь его внешностью, и отметила скованность в его теле и застенчивость в движениях.

– Я думал, слово божье запрещает веселиться допоздна, – слегка улыбнувшись, заметил Эдвин.

– В рай мне дорога закрыта, так почему же не устроить его на земле? – утонченно парировала Эвелин.

Молодежь закружилась вокруг костра под веселые звуки скрипки. Редклифф пристально наблюдал за ними с выражением лица мошенника, задумавшего хитрость. Он раз за разом отхлебывал из бутылки, не отрывая взгляда от парочки. Он испытующее всматривался в лицо сына, ожидая от него решительных действий любого характера, которые позволили бы ему поставить Вернона в затруднительное положение. «Эта жидовская свинья еще пожалеет», – прозвучало в его мыслях тоном, полным озлобленной решимости. Хоровод оживился, когда

костер разгорелся на три фута в высоту. Пламя оттолкнуло густую темноту подальше от главной площади. Грязный фасад нескольких домов неподалеку окрасился в ярко-красный цвет. В отражении окон языки пламени плясали подобно беззаботной молодежи. Быстрый темп хора вода вскружил голову Эвелин, и она с заразительным смехом повалилась на землю, потянув за собой Эдвина. Он приземлился на колени перед ней и всмотрелся в ее разгоряченное лицо, пышущее жизнью подобно костру, который освещал ее блестящие глаза. Улыбка, застывшая на ее лице, смутила Эдвина, в ней было что-то недоступное. То счастье, которое она излучала, было будто под запретом для него. Он сел рядом и стал любоваться костром и веселящимися жителями. Она поджала ножки, спрятав башмачки под юбкой. Они несколько раз ловили взгляд друг друга и застенчиво улыбались.

– А давай залезем в дом той ведьмы? – изрекла она таким тоном, каким человек озвучивает решение, которое долго и вдумчиво искал в уголках своего разума.

Лицо ее выдало неподдельный восторг. Эдвин усмехнулся, выдавая удивление от степени ее безумства. Он силился привести все доводы против, но не произнес ни слова, заразившись ее игривым и слегка сумасшедшим настроением. Она протянула ему руку и поразила его своей силой, с какой подняла его на ноги. Редклифф слегка подался вперед, внимательно провожая их взглядом. Он осмотрелся по сторонам и покинул свой стул с бутылкой в руке. Его аккуратные шпионские шаги скрывали все недостатки походки изрядно пьяного человека. Он спрятался за углом второго дома, в тени шиповника. В глубине поселения свет от костра был виден только в отражении окон. На темном фоне улицы были заметны гуляющие парочки. Редклифф пробирался между ними, нагло расталкивая их в стороны. Вдруг парень и девушка остановились. Редклифф заскочил за соседний дом, высунув из-за угла свой фиолетовый глаз. Парочка осмотрительно дождалась, когда все гуляющие удалятся от них как можно дальше, и скрытно нырнула между домов на ту самую улицу. Редклифф сделал глоток из пустой бутылки и раздосадовано швырнул ее в сторону. Перескочив улицу, он присел возле противоположного дома. Улица была пустая, никто бы не осмелился гулять здесь. В темноте показалась светящаяся белая юбка Эвелин и черный силуэт Эдвина, за которыми из-за угла хищно наблюдали два глаза, один из которых был распухшим от фингала.

– Чувствуешь?

Эвелин взяла руку Эдвина и приложила к своему сердцу – оно неистово колотилось. Она напоминала ребенка, который в преддверии Рождества ищет по всему дому спрятанный подарок, пока родителей нет дома. Эдвин был слегка встревожен, но полностью доверился ей и пошел следом. Каждый шаг в сторону веранды дома ускорял пульс двух молодых сердец. У Эвелин перехватило дыхание, когда под ее ножкой скрипнула первая ступенька. Эдвин остановился, держа ее за руку, и она оглянулась на него. Он прочел в ее взгляде: «Идем, не бойся» и шагнул за ней следом. Редклифф наблюдал за этим преступлением с ехидной и фальшивой улыбкой циркового конферансье. Когда Эвелин толкнула входную дверь, они почувствовали холодный воздух и застоявшийся запах сырости. Редклифф с осторожностью охотника, подкрадывающегося к медвежьей берлоге, пересек улицу в сторону дома ведьмы. Он спиной прилонился к стене возле окна и сконцентрировался на звуках в доме.

– Господи, как тут воняет, – заметила Эвелин.

Пол скрипел под каждым их шагом. Эдвин шел впереди.

– Смотри! – прошептал он. – Что это такое?

– Не знаю, похоже на какой-то алтарь, – еле слышно вымолвила Эвелин.

Лунный свет молчаливо вытягивался через запыленные комнаты. Всюду непонятного рода штукловины были прокрыты многовековым слоем пыли, будто ведьму казнили не меньше столетия назад. Огромные кучи книг были сложены прямо на полу. Их стопки достигали высоты роста взрослого человека. Взломщики, преисполненные азарта, растеряли весь страх и аккуратно шагали по дому. Эдвин подошел к столу с кучей стеклянных сосудов. Он осторожно

взял одну склянку, внутри которой что-то плавало. Открыв крышку, он резко отстранил банку как можно дальше от лица.

– Фу, боже мой, воняет как вино моего отца, что это?!

Редклифф усмехнулся, стоя возле окна, и шепотом произнес: «Вот засранец».

– Это рододендрон, – разглядывая банку, произнесла Эвелин.

– Чего? – заткнув нос рукавом, прогундосил Эдвин.

– Поговаривают, что ведьмы делали на нем отвар, чтобы их разум превосходил человеческий.

– Что-то я не замечал у своего отца задатков сверхразума, – усмехнулся Эдвин и бросил банку на стол.

– Как знать, может, все его способности достались тебе, – с тонким укором выронила Эвелин.

Они пошли по коридору, половицы издавали мерзкий скрип. На окнах пауки сплели свои собственные шторы и застыли в неподвижном ожидании добычи, которой в этом доме было в изобилии. Эдвин с проникательностью энтомолога разглядывал, как один из них заматывал муху в паутину. Она изредка жужжала, встряхивая паутину, но выбраться у нее уже не было шансов. Это зрелище отвратно покорило его, он дернул плечами в легком омерзении и пошел следом за Эвелин.

– Это ее кровать? Какая огромная, – прошептала Эвелин.

Она, вообразив себя ведьмой, театрально прошла вокруг кровати и легла на нее.

– Я устала колдовать сегодня! – с демонстративным утомлением произнесла она.

Эдвин лег рядом. Они смотрели в потолок несколько минут, не произнося ни слова, и вдруг Эвелин заговорила:

– Интересно, что это за жизнь такая? Живешь себе в отречении, варишь отвары, колдуешь, а потом тебя повесили. – На последних словах она поджала нижнюю губу, будто все эти действия имели комичную бессмысленность, как и их конец.

– Будто у простых людей жизнь имеет больше смысла, – ответил он, и она оценила его весомый довод легким кивком согласия.

Она повернулась к нему.

– Думаешь, и наша жизнь – тоже пустая трата времени?

Он пожал плечами, безмолвно отвечая на ее вопрос.

Она положила голову на его плечо, а левую руку на грудь, ощутив его бешеный пульс.

– Тебе все еще страшно?

– Нет... то есть да, но страшно не от этого дома.

– А чего же ты тогда боишься?

Она подняла голову и встретилась с его взглядом. Он ничего не ответил и коротким движением головы примкнул к ее губам. В один момент в мыслях каждого из них вспыхнул вопрос: «Что мы делаем?» На одно мучительное мгновение, не открывая глаз, они отпрянули друг от друга на бесконечные миллиметры. Ниточка слюны растянулась между их губ. Не выдержав этой нескончаемой паузы, она решительно взяла его за голову и прижала к своим губам. Она ощутила их пылкий жар, потом их движение вниз по шее. Дальше она не осознавала ничего, кроме его горячих рук под ее юбкой. Она ощущала стройность своей талии через обхват его ладоней, будто он стал лишь инструментом, назначением которого было торжествующее осознание самой себя через телесные ощущения. Он чувствовал дрожь ее тела и воспринимал ее как вызов. Пылинки с кровати ведьмы разлетелись в темноте спальни подобно планктону в непроглядном мраке океанского дна. Совершая этот постыдный ритуал, они ощущали себя детьми, тайком рисующими похабщину на соседском заборе. Кратковременная резкая боль внизу живота заставила ее замереть в напряжении, будто струна, готовая к следующему аккорду. Она сделала глубокий вдох, начав его коротким стоном, и ее вены пульсировали. В

полумраке они не заметили, как их глаза чернели в такт потокам в их венах. Короткий пронзающий стон заставил ее выгнуться лицом к изголовью кровати, и через секунду она повалилась на грязную простыню. Несколько секунд она лежала, не желая представлять что-либо вне этого момента, будто в мире больше не существовало никакой боли. Его обжигающее дыхание раз за разом обдавало ее шею, плечи и грудь.

– И что же это там происходит, а?! – слышался показательный и неправдоподобный выкрик.

Редклифф дважды выкрикнул этот вопрос на всю улицу. Гуляющие жители с взволнованными лицами смотрели на него между домов. Некоторые мужчины осмелились перейти на пустую улицу.

– Вы только посмотрите! Дочурка Вернона кувыркается... с кем? – Редклифф наигранно изобразил паузу с последующим удивлением и выкрикнул: – С моим старшим сыном!

Он произносил эти слова, будто ведущий акробатического представления, играя на эмоциях заинтересованной публики. Женские ошарашенные вздохи, приглушенные ладонью, пронесли по улице, когда Эвелин вышла из дома. Она в смятении целого ряда чувств опустила взгляд и бросилась прочь в темноту улицы. Редклифф сопровождал ее взглядом генерала, наблюдающего за отступлением вражеской армии. Следом из дома вышел Эдвин. Он в ожидании агрессивной реакции отца был шокирован его дружеским объятием. Он похлопал его по плечу и торжествующе произнес: «Молодец, парень!» Преисполненный самодовольства, он показательно повел сына по улице, сияя своей дырявой улыбкой. Свидетели наблюдали за происходящим, пребывая в растерянности. «Эвелин – ведьма?!» – прозвучало из толпы. «Она околдовала Эдвина!» – слышалось с другой стороны.

Часть 2. Гнев

Ранним утром отцы обоих нарушителей предсмертного желания ведьмы были вызваны в церковь. Там их встретил священник Уолтон и лорд Клинтон. Вернон стоял, склонив голову. Редклифф вел себя как придурок, самодовольно улыбаясь.

– Ловко мой отпрыск уложил твою, – крикнул он, противно улыбаясь.

– Редклифф, заткнись! – возопил Клинтон.

– Да что не так? – в тупом изумлении спросил Редклифф.

Он был горд до крайней степени и в согласии со своей безграничной тупостью полагал, что приглашен на церемонию награждения. Клинтон считал его поведение крайне неуважительным. Вся наружность Редклиффа вызвала в нем омерзение, и он осыпал его непечатной бранью. Ругательные слова были произнесены настолько деликатно, что Редклифф впал в ступор. Ему было невдомек, как можно произносить такие слова с такой утонченностью. Клинтон повернулся к священнику и хотел принести свои извинения за такую грубость в священном доме. Тот кивнул с одобрением, будто он снял с его языка каждое слово, произнесенное в адрес негодея.

– Ваши дети подозреваются в одержимости, и мы не можем рисковать спокойствием нашего общества. С этой минуты вы лишаетесь всех прав в этом поселении. У вас есть время, чтобы убраться отсюда с глаз долой до наступления темноты.

Эти слова были произнесены тоном человека, не желающего впустую тратить время. У Редклиффа был вид мужа, внезапно застигнутого женой в публичном доме.

– За что?! – протянул он.

Клинтон наградил его долгим и пронизывающим взглядом, после холодно ответил:

– За близкую связь с ведьмой.

На опухшей физиономии Редклиффа застыло недоумение. Вернон, не поднимая взгляда, покорно повернулся и покинул церковь. Редклифф поторопился следом.

– Вернон, старина, ты же не веришь в эту чепуху? – шагая следом за ним, спросил Редклифф.

Вернон остановился как вкопанный и резко повернулся назад.

– Ты гребаный ублюдок! – Он схватил его за грудки и подтащил к себе, уперевшись в его противную рожу ненавистным взглядом. – Ты хоть понимаешь, что ты и твоё невоспитанное отродье натворили?!

Жители деревни устали свои взгляды на происходящее.

– Эти тупицы не ведают, что творят! Какая еще ведьма? Да это самая обычная сумасшедшая...

Он не успел договорить, как Вернон швырнул его в грязь.

– Это ты сейчас описал свой собственный портрет!

Он выразительно плюнул в грязь рядом с противником и уверенными шагами направился к своему дому.

– Чего уставились?! – выпалил Редклифф, валяясь в грязи. – Безмозглое стадо, – тихо проворчал он, поднимаясь на ноги.

Вернон залетел в дом с таким бешенством в глазах, что даже его бесчувственная жена вмиг обрела ощущение страха.

– Где она?! – выкрикнул он.

Эвелин лежала в своей постели. Она не спала всю ночь, и после его выкрика из ее глаз потекли слезы.

– Что случилось?! Вернон! Что происходит? – лепетала Гвеннет.

Вернон объяснился, подбирая самые снисходительные слова, но тем не менее, супруга, судя по ее выражению лица, отеклась от своего бога, обратившись в самого дьявола во плоти. Она влетела в комнату Эвелин и отвесила ей громкую пощечину.

– Ждешь, когда я подставлю другую щеку? – почти не разжимая рта, произнесла Эвелин.

Черилин и Гильберт в панике выбежали на кухню к отцу, повторяя раз за разом один и тот же вопрос. Вернон стоял, зажмурив глаза. Двумя пальцами он сжимал переносицу, подобно человеку, терпящему тяжелую форму мигрени. Гвеннет вернулась к мужу с таким выражением лица, будто только что подтвердилось то самое, о чем она твердила уже много лет, но никто ее не слушал.

– Нам до темноты нужно собрать все вещи и покинуть поселение, – распорядился Вернон.

Эвелин стояла в своей комнате, слезы катились по ее щекам. Отец встретился с ней взглядом, в котором он прочел вопрос: «Неужели ты и правда так обо мне думаешь?» В отдаленных уголках отцовского сердца что-то екнуло, но все чувства были подавлены гневом. Он отвел свой взгляд и удалился в родительскую комнату.

Редклифф первым делом забежал в сарай. Он суетливо разбирал винокурню по запчастям, складывая их в телегу. Его торопливость напоминала спешку ученого, спасающего свои труды во время пожара в лаборатории.

– Редклифф, милый, что происходит? – тоном материнской заботы произнесла Клэр.

Он повернулся к ней, взял за плечо и произнес, как приказ посреди поля боя:

– Собирай все вещи, живо. Нас изгоняют из деревни.

– За что? – в туманном недоумении спросила она.

– Этот ублюдок Вернон! Его дочурка затащила нашего Эдвина в дом ведьмы, теперь все как один считают, что мы одержимые! – На последних словах он постучал себя по лбу, выражая этим жестом бескрайнюю тупость всех поселенцев.

Клэр испуганно уставилась взглядом в пол. Редклифф взбодрил ее, выкрикнув:

– Я сказал, живо!

Эдвин наблюдал за этим из окна. Он испытывал три чувства: стыд перед Эвелин, страх из-за неизвестности будущего и омерзение при виде отца, который первым делом начал собирать свой винодельный аппарат. Если бы у него хватило сил впустить в себя еще одно чувство, то он бы испытал презрение в отношении матери, которая не заметила неправильной расстановки приоритетов супруга во время чрезвычайной ситуации. Когда Клэр торопливо вернулась в дом, она застала сына посреди прихожей. Он стоял неподвижно и молча, но его взгляд говорил о многом. Мать крепко обняла его, но он не ответил взаимностью. Она прошептала: «Может, это и к лучшему», после чего сын вырвался из ее объятий и скрылся в своей комнате.

К полудню все жители застыли, как силуэты в музее восковых фигур. Их уничтожительные взгляды сопровождали две повозки. Из телеги Вернона доносилось похрюкивание свиньи, в телеге Редклиффа эту роль играл он сам. Он плевался и кричал, показывая этими действиями свое презрительное отношение к этому месту и к его жителям. Он глядел прямо и гордо, будто говоря: «Ничего, ничего, теперь-то я заживу вам на зависть». Жены в обеих семьях согнулись под тяжестью стыда, хотя Клэр до конца не понимала, почему ее терзает это чувство. Ведь ее героя оклеветали, а сына похабным образом втянули в связь с ведьмой. Гвеннет напоминала пойманную беглую служанку, замершую в ожидании удара кнута хозяина.

Жители были поражены наглостью юной ведьмы. Внешне она не выказывала никаких чувств и безучастно оглядывалась по сторонам. На уровне подсознания она ощущала себя ребенком, прячущимся в огромном доме, в котором где-то за стенами ходит разгневанный родитель. Эта сущность внутри нее ранее не давала о себе знать. Это была неизвестная ментальная субстанция, жаждущая встречи с ней путем выхода наружу. Создавалось впечатление, будто этот гнев поселился внутри нее не ради уничтожения ее самой, а скорее наоборот. Эдвин лежал на куче старого хлама, скрестив руки. Он запрокинул голову назад и закрыл глаза. Его

слегка покачивало от кривых колес телеги. Внутри него тоже начало зарождаться что-то подобное состоянию Эвелин, но он был настолько отстранен от себя и от своих чувств, что пока еще не понимал даже того, что происходит во внешнем мире. Кляча Редклиффа еле тащилась следом за телегой Вернона, и вот, уже на выезде из поселения произошло следующее. Эвелин испытала состояние, похожее на контузию после взрыва. Перед ее лицом с металлическим лязганьем пролетело несколько дробинок, продырявив мешки с вещами. Жильцы с громким вздохом попадали на землю. Черилин и Гильберт прятались за колесом. Вернон повалил дочь на дно телеги, закрыв ее своим телом. Выстрелы продолжились. Дробь пробила стенку телеги и отстрелила кусок копыта свиньи. Животное с пронзительным визгом повалилось на бок, придавив своей тушей ногу Гвеннет. Вернон уверенным жестом обеих ног оттолкнул свинью в угол телеги. Он, перекрикивая свист пролетающих снарядов, спросил: «Ты цела?» Жена кивнула в ответ и подтянула под себя обе ноги. Взвизгивающие женщины прятались в своих домах. Мужчины затаились за углами домов, осторожно выглядывая на улицу, с которой шел обстрел.

– Тварь! Ты думала убить моего отца и спокойно уехать?!

Мужчины, находясь в укрытиях по обе стороны улицы, встретились взглядами, полными недоумения, и один из них произнес: «Это же голос Николаса!»

– Вылезай из телеги! Слышишь?! – Его голос срывался на плач.

Сзади на Николаса налетел Уильям и направил дуло ружья в небо. Прозвучал еще один выстрел.

– Сынок, прекрати, этим ты не вернешь его!

– Не называй меня так! – с недетской яростью завопил Николас. – Я отомщу! Пусти, я перестреляю их как бродячих собак!

Он не сдержал поток эмоций и упал на колени в слезах.

– Убирайтесь, живо! – выкрикнул кто-то из толпы мужчин.

Вернон аккуратно и быстро поднялся, взялся за вожжи и отстегал лошадь, куда хватало сил. Редклифф со своим семейством прятался за колесами телеги. Услышав команду, он схватил клячу за морду и побежал вперед прочь из деревни. За забором он повернул направо, Эдвин с испуганным взглядом сопровождал телегу Вернона, уносящуюся вдаль по прямой.

Вернон со своим семейством поселился примерно в полутора милях от деревни вверх по устью реки. За полями высился сосновый бор, и на самой его окраине взору Вернона предстала поросшая травой поляна размером примерно в один акр. Вдоль берега реки тянулись многовековые сосны. Их толстые стволы являли собой подобие колонн, удерживающих небо. Он остановил повозку и, жуя травинку, внимательно разглядел местность. Дремоту Гвеннет прервало выразительное хрюканье хромой свиньи.

– Вернон, почему мы остановились? – Сонным тоном прозвучало за его спиной.

Вернон несколько секунд молчал, рисуя в своем сознании проект его будущего дома. «Вот здесь я обогну территорию забором... Нет, стой, зачем мне забор в такой глуши? Ладно, решим это позже. Вот здесь будет сарай. Дом выстрою пошире, чем старый, ведь нас теперь будет больше. А на берегу я построю небольшой пирс и буду рыбачить с Гильбертом, а вот здесь...»

– Вернон, ты оглох?!

– Потому что мы приехали, – решительным тоном ответил он и выпустил вожжи из рук.

Волосы Редклиффа слипались от пота. Он вытер свою физиономию об рукав и осмотрелся по сторонам. Кляча устало фыркнула и махнула хвостом. Башмаки брели позади телеги, задумчиво поднимая с земли разные ветки и шишки. Они преодолели не такое большое расстояние, как казалось Редклиффу. Осилев примерно милю пути по бесконечному полю, Редклифф оживился при виде леса. В его измученном вином мозгу все-таки теплились зачатки способности запоминать события, и он воспроизвел в памяти походы с отцом на охоту.

– Там за лесом должна быть река, – оглянувшись, вымолвил он.

Клэр оживилась, приподняв плечи.

– Ты хочешь жить у реки? – спросила она.

Он, наполнившись энтузиазма, воодушевленно крикнул, заменив тем самым фразу: «А то!» Кляча потянула морду за Редклиффом и медленно зашагала следом. Эдвин сидел в телеге спиной вперед. Он наблюдал за удаляющейся деревней, потом за телегой Вернона, исчезающей за горизонтом, а после – за беспечно тянувшимися следом братьями. Его одолевало какое-то странное чувство. Присутствие чего-то внутри него, в его сознании. Это *что-то* оставалось неидентифицированным, но ясно осязаемым разумом. На секунду испытал испуг, он убежал от погружения в себя и спрыгнул с телеги. Он поднял толстую дубинку с земли и использовал ее как трость все дальнейшее путешествие.

Вернон первым делом выгрузил инструменты плотника, наказал Гильберту пойти в лес и набрать как можно больше хвороста. Сам он направился следом за ним валить лес для постройки дома. Необходимо было управиться до наступления первых холодов и выпадения снега. Жене он наказал застелить дно телеги плотным брезентом, а постельное белье и любые мягкие ткани постелить под телегой. Теперь она выступает в роли навеса, под которым они проведут первую ночь. Хворост был плотно уложен в телегу на случай ночного дождя. Лошадь была привязана на полянке с травой. Черилин поручили напоить ее речной водой из жестяного ведра. Было организовано место под костер с двумя железными кольями, воткнутыми в землю. Вернон разжег огонь, на котором Гвеннет чуть позже сварит похлебку из сухого гороха и картофеля.

Редклифф, удрученный малым остатком винного запаса, налил в бурдюк четко рассчитанную дозу напитка и плотно вбил пробку в бочонок. Перспектива оставаться трезвым его не радовала, а скорее мотивировала быстрее устроить жилье. Он в мыслях еще раз отметил воспоминания об отце, с которым они вместе строили дом в поселении. Он с отеческой гордостью посмотрел на Эдвина и принял, как венок победителя на свои плечи, миссию научить сына такому непростому навыку, как постройка дома. Все его инструменты уже изрядно проржавели, как и навыки строителя. Вместе с легким опьянением после первого глотка в его сознание ворвалось просветление: все сходится правильно. Он будет ходить с сыновьями на охоту, так же, как с ним ходил его отец, и на этой ноте он возгордился своим будущим образом примерного отца. Когда до его слуха донесся шум реки, он выкрикнул: «Я же говорил!» Двое младших сыновей ринулись вперед, а Эдвин помог матери спуститься с телеги и повел ее под руку к реке. На том берегу высились зеленые холмы, бескрайний простор на их фоне вызвал чувство вселенской необъятности. Клэр затаила дыхание, подобно ребенку при виде чуда, и утвердительно покачала головой, произнося вполголоса: «И правда, это к лучшему».

Утром следующего дня Николас долго не вставал с постели. Его взгляд изучал потолок и стены комнаты. В воздухе стояла давящая тишина и запах старой сырой древесины. Была ясная погода, но солнечное тепло уже не ощущалось. Он погрузился в томное спокойствие, редко моргая. В сознании проносились кадры недавних событий, и он закрыл глаза. Внезапный скрип дверных петель заставил его обратить внимание на коридор. Скрип прозвучал с улицы. За последние два часа не было никаких признаков пробуждения матери, и он был твердо убежден, что она спала. Через окно кухни он увидел открытые двери в сарай и вышел на улицу. Он обогнул пристройку и увидел, как Агнесса через широкие ворота волочила ружье его отца за пределы участка. Ее шаги напоминали шаги ребенка, несущего на себе что-то тяжелое. Ружье волочилось, оставляя полоску следа на земле.

– Стой! Оно заряжено! – выкрикнул он.

Агнесса ничего не ответила и продолжила тащить его прочь.

– Куда ты его тащишь?! Подожди! – продолжал Николас.

Он поравнялся с ней и увидел на ее белокуром лице все краски наивного гнева.

– Агнесса, остановись! Что происходит?

– Это у тебя надо спросить, что происходит?! – Он никогда не слышал такой тональности в ее голосе.

Николас попытался остановить ее, прикоснувшись к ее плечу.

– Не прикасайся ко мне! – резко дернув плечом, выпалила она.

Они уже подходили к краю поселения, когда появились первые свидетели этого инцидента.

– Ты можешь остановиться и объяснить, что ты делаешь? Потом можешь тащить его куда угодно! – Это было произнесено настолько убедительно, что сработало.

Агнесса остановилась и замерла, после повернулась к нему и сдула прядь волос в сторону от своего лица. Эта прядь непослушно упала обратно на ее правый глаз.

– Для чего тебе оно?

Николас замешкался с ответом.

– Ну же! Для чего?!

– Это ружье моего отца.

– А стреляешь из него почему-то ты!

Николас шумно выдохнул, и на лице его проступила фраза: «Так вот в чем дело». Агнесса резким обиженным жестом повернулась обратно и продолжила тащить ружье.

– Ладно, я понял, это правда было слишком, а теперь остановись и отдай мне ружье.

– Чтобы ты и дальше продолжал бегать за этой потаскухой?! – В ее тоне он распознал явные оттенки ревности.

– Нет, это даже звучит глупо! – удивленно высказался Николас.

– Не глупее твоей вчерашней выходки, – она перехватила шаг повыше за приклад и ускорила шаг. – Настолько она тебе нужна была, что готов был расстрелять их?!

Николас фальшиво рассмеялся. Такой смех слышен чаще всего от мужчины в ответ на глупую женскую провокацию. Они уже подходили к реке, и он шел следом, уже не торопясь.

– Смешно тебе, значит? А как тебе такое?

Она сколько было сил швырнула ружье в реку и чуть сама не полетела следом. Двухстволка, не долетев до воды, упала на большой камень. Округа огласилась громким выстрелом, отчего Агнесса подпрыгнула и закрыла уши, замерев на месте. Николас поучительным тоном, проходя мимо нее, спросил:

– Доигралась?

Агнесса еще несколько секунд стояла ошеломленная, держа ладони возле ушей. Николас спустился к берегу и поднял ружье. Он заломил дуло и проверил заряд. Оба патрона выстрелили. Он поднялся обратно и прошел мимо нее с фразой во взгляде: «Я же предупреждал, что оно заряжено». Агнесса сложила руки на груди и, склонив голову, убежала в другом направлении.

Наступившая ночь стала очередной бессонной ночью для Николаса. Он лежал с закрытыми глазами. Лунный свет освещал его встревоженное лицо, мышцы которого изредка подергивались. Во всем его выражении был виден безостановочный мыслительный процесс, вызванный каким-то важным и незаконченным делом. Оно мучило все его естество, отняв аппетит, сон и умение радоваться жизни. Для семнадцатилетнего юноши свойственно быть заносчивым. Максимализм этого возраста поглощает весь пока еще подверженный влиянию эмоций рассудок. Тем и опасны утраты, произошедшие в подростковый период. Они засядут глубоко внутри сознания и будут подспудно влиять на всю оставшуюся жизнь до тех пор, пока не будут прожиты. Таково устройство человеческого мозга, который хочет видеть начало процесса и его завершение. Лишь спустя несколько столетий человек назовет это состояние открытым гештальтом и примется изучать все способы его закрытия, но до тех пор у Николаса не находилось никаких других решений, кроме беспощадной мести. Поток его нескончаемых

мыслей был прерван болезненным стоном, прозвучавшим в родительской комнате. Его веки резко разомкнулись, будто каждую секунду он был настороже. Стон повторился, и Николас поднялся с кровати. Он настороженно преодолел темный коридор и остановился возле двери родительской комнаты. Он слышал тяжелые вздохи матери, за чередой которых следовали звуки нестерпимого физического напряжения. Николас остановился в замешательстве, чувство стыда запретило ему открыть дверь в комнату. Он догадался, что происходит с его матерью, и еще больше растерялся от этой мысли. Он бегом покинул дом. Входная дверь осталась болтаться из стороны в сторону, поскрипывая петлями. По темным улицам пронеслись его частые шаги и затихли возле дома Уильяма. На смену им пришли удары кулаками об дверь.

– Дядя Уильям! – он дважды выкрикнул эту фразу, колотя в дверь кулаками.

Спустя минуту сонное и одновременно обеспокоенное лицо Уильяма показалось в дверях. Его освещала лампадка, а из-за его спины выглядывала Фрея. Она без каких-либо слов поняла все, о чем молчал встревоженный Николас. Его частые вздохи с паром изо рта заставили ее поторопиться. Она решительным жестом ладони безмолвно приказала мужу оставаться дома и накинула поверх ночной сорочки первое, что попало под руку. Они бегом пересекли несколько улиц деревни. Николас молчал, полностью доверившись этой женщине. Она привела его к старому дому неподалеку от церкви. Приземистый дом слегка заваливался набок от ветхости, а стены местами покрылись мхом. Прозвучало несколько постукиваний по стеклу, после чего в доме загорелся маленький огонек. В темной тишине прозвучал протяжный скрип двери, за которой оказалась повитуха Гваделупа. Она держала в руке лампадку и окинула посетителей взглядом. Ее круглое и мягкое лицо вывалило овальный подбородок через узелок веревочек черного чепца. Она смотрела на Николаса взглядом человека, который долго и смиренно ждал часа неизбежной встречи. И вот, когда она наконец состоялась, на ее лице было написано: «Ну что ж, пора». Она взяла черную накидку с капюшоном и торопливо перешагнула через порог с лампадкой в руке. Огонек колыхался от ковыляющего бега старухи, отражаясь в стеклах домов.

Их шаги ускорились, когда крики матери Николаса стали слышны с улицы. Женщины влетели в комнату, захлопнув дверь перед носом Николаса. Он успел в полумраке разглядеть заплаканное лицо матери, скорченное от адской боли. Он схватил себя за голову и устремил взгляд вверх. После глубокого вдоха он провел ладонями от лба к затылку, пригладив волосы назад. Николас затоптался на месте под очередной стон матери. Он тряс конечностями, словно бегун, разминающий мышцы перед стартом. Наступившая тишина подействовала на него как неприятное известие, получив которое, человек обычно отходит в сторону, садится на пол и прячет свое лицо в ладони. Пронзительные вздохи за дверью заканчивались свирепыми выдохами. Николас скрутился в клубок и трясся всем телом. Он напоминал бездомного сироту, замерзающего на улице. По его запястьям потекли слезы, он смахнул их на пол и крепко обнял свои колени. Следом за каждым выкриком матери он перекаладывал голову то на правую, то на левую щеку, подтягивая под себя ноги. Коленный сустав хрустнул от силы его рук, и он вытер лицо руками. В темной тишине дома пронесся тихий материнский плач. Он больше не прерывался никакими другими звуками, а нарастал с каждой минутой застывшего момента. «Если мама плачет, значит, она жива, но почему она плачет...» – пронеслось в его мыслях. Пораженный внезапной догадкой, он начал качаться вперед-назад. Выдыхая приглушенные рыдания, он больно укусил себя за запястье. В его мозгу возник мощнейший импульс, подкинувший его на ноги.

– Пустите меня! Что с моей мамой?!

Его вопль с плаксивой хрипотцой напомнил женщинам о его присутствии за дверью. Повитуха взглядом указала Фрее на дверь. В следующее мгновение дверь резко распахнулась, и красное свирепое лицо Николаса осветилось лампадкой.

– Уходи! Нельзя! Быстро уйди отсюда! – завопила Гваделупа.

Фрея захлопнула дверь перед его лицом и подпирала ее спиной. Николас со всей силой юности ударил кулаком в дверь, отчего Фрею немного толкнуло вперед к изножью кровати. После были слышны его частые шаги сначала в доме, а потом за его пределами. Он забежал в сарай и упал на колени. Остаток чувств вырывался наружу, не давая ему встать на ноги. Его плечи тряслись при каждом вдохе. Слезы капали на пол, стекая с подбородка. В эти минуты он недоумевал, как жизнь может быть так несправедлива. Почему в этом мире есть те, кто все теряет, и те, кому все сходит с рук? Для чего в нем существуют ведьмы, от которых одни беды, и почему эти беды взвалились на его хрупкие плечи? «За что?» – прошептал он и ощутил соленый вкус на губах. Он поднял взгляд и сквозь пелену слез увидел висевший на стене старый отцовский арбалет.

Утро было пасмурным. Сырой ветер шелестел желтыми листьями. Кривые и черные от дождя ветки деревьев ритмично склонялись от порывистого ветра. Редкие капли дождя, словно случайно выпавшие из грозовых туч, падали в желтую россыпь слипшихся листьев. Грибные шляпки то там, то здесь протыкали лимонно-желтый ковер. Пение птиц заменилось частым карканьем ворон, и они, мокрые и грязные, прыгали по желтизне листьев и с интересом разглядывали торчащие грибы. Николас сидел в церкви на первой скамье перед алтарем. Его металлическое лицо не выказывало никаких эмоций. В его взгляде не было ни единого намека на замешательство. Он был полон решимости, словно мудрый воин, познавший истину в том, что не на все вопросы можно найти ответы. Воркование голубей на крыше изредка прерывалось потоками ветра. Время от времени звучал стук капель о крышу церкви. Николас продолжал всматриваться в распятие Христа, сочетая в своем взгляде отчаянное безразличие и решительную уверенность. Так смотрит человек, которому нечего терять. За его спиной скрипнули петли, священник застыл в дверях, остановив взгляд на Николасе.

– Как тихо ты вошел, я даже не заметил.

Голос пастора звонко отразился от стен и затерялся под крышей церкви. Николас промолчал.

– Давно ты здесь? – стоя по правое плечо от него, спросил священник.

Николас спустя несколько секунд бросил испытующий взгляд на пастора и повернулся обратно к распятию.

– Что ж, не буду мешать твоей молитве, – обронил Уолтон и прошел мимо него.

– Святой отец, – уверенно и спокойно прозвучало за его спиной, Уолтон остановился, – в какой момент человека можно считать убийцей? Когда он задумал деяние или когда уже совершил его?

Священник, стоя перед распятием, медленно повернул голову в сторону парня.

– Убийство может быть совершено по неосторожности...

– Ответьте прямо, – перебил Николас, не желая тратить время на пустую болтовню.

Священник повернулся к нему.

– Убийца – это человек, который позволяет себе брать ответственность за то, что находится под властью Всевышнего, оспаривая Его решение.

– То есть убийство начинается с мысли? – Николас указал пальцем на свой правый висок.

Уолтон ничего не ответил. Его глаза стали внимательнее, и он уверенно смотрел в лицо Николаса.

– А как Всевышний карает убийц? – Николас слегка сузил веки.

– Откуда нам знать, может, воля убийцы была вовсе и не его воля? – Священник направил на Николаса взгляд поверх очков.

– Чья же тогда?

– Не нам решать, когда для человека будет пробит последний час и его миссия на этой земле будет завершена.

– Разве у моего отца была какая-то миссия? – В тоне Николаса проступало озлобленное возражение.

– Николас, дьявол испытывает тебя, подсеяя в твой разум мысль о таком страшном деянии. Не вздумай поддаваться ему.

– Вы хотите сказать, что дьявол подталкивает меня на убийство его самого?! – Голос повысился еще на тон.

– Сын...

– Не называй меня так! – взорвался Николас, подскочив на ноги. – Только один человек остался на этой земле, имеющий право ко мне так обращаться, и это точно не ты!

– Мечь не избавит тебя от страданий и не вернет отца. Познав это после содеянного, ты будешь страдать еще и о том, что взял на себя такой грех!

– Не мне вам рассказывать о том, что Его пути неисповедимы.

Николас быстро развернулся и покинул церковь широким и торопливым шагом. Его шерстяная накидка развевалась за спиной. Священник опустил взгляд и неодобрительно покачал головой. Входная дверь закрылась с грохотом, распугав голубей на крыше. Хлопки крыльев прозвучали под куполом церкви. Десятки огоньков церковных свечей синхронно качнулись и замерли, изредка потрескивая. За дверями он столкнулся с Агнессой. Ее лицо трепетало, словно она этим утром узнала о его тайной смертельной болезни. Она смотрела на Николаса, но Николаса больше не было. Было ледяное лицо, которое глядело сквозь нее, взглядом, от которого образуется корка льда в лужах.

– Николас, – прошептала она.

Она осторожно обняла его, но ответного жеста не последовало.

– Николас, мне так жаль, прими мои соболезнования.

– Хорошо, – обронил он.

Он ответил: «Хорошо», но она отчетливо услышала: «Мне плевать». Она отпрянула от него и всмотрелась в его лицо. Агнесса не узнавала его, вот вроде он перед ней, но это не он. Скорее это идеальный двойник, но не Николас.

– Мне надо идти, извини, – произнес он и отстранился от нее.

Агнесса потерялась в своих чувствах, ей стало обидно из-за его холодности, но его ведь можно понять. У него столько горя в жизни! «Но почему он не проживает его и не дает мне помочь ему заполнить эту пустоту?» – подумала Агнесса. Она проводила его взглядом, вытерла слезы и толкнула дверь церкви.

К полудню проливной дождь накрыл деревню. Десятки вьющихся струек дыма вытянулись в темно-синее небо. От тяжелых дождевых капель в лужах образовывались пузыри, обещающие обильные осадки. Было безветренно, и некоторые из мужчин сидели на верандах своих домов. Они курили трубки и смиренно наблюдали за улицами деревни. Собаки лежали у хозяйских ног, положив свои морды на пол. Женщины торопливо снимали с веревок постиранное белье и, запинаясь о бегающих под ногами детей, бежали с тазиками домой. Уильям закурил трубку. Пес заскулил у него в ногах, и он успокоил его ласковым словом, потерев ухом. Медленно потягивая трубку, он всматривался в окно дома ведьмы. Уильям словно под гипнозом не сводил с него взгляд и время от времени подносил трубку к губам. Он внимательно всмотрелся в разбитое Вальтером окно. Через него была видна комната, окно которой выходило на окраину деревни. В течение нескольких минут он фокусировал свой взгляд на этом окне. На мгновение ему показалось, что он покинул свое кресло на веранде и приблизился к дому. Шум дождя пропал из его сознания, словно он нырнул под воду. Противный фоновый звук зазвучал в его мозгу, и в окне дома ведьмы резко прошмыгнул темный силуэт. Уильям дернулся на своем кресле, отчего пес в его ногах подскочил.

– Уильям, ты чего?! – с озадаченным видом спросил человек, забежавший на его веранду.

– А?! Да я что-то задремал, – начал Уильям, но его лицо демонстрировало попытки скрыть испуг, – ты чего шастаешь в такой ливень?

– Вот решил тебя навестить, – ответил гость, стряхивая капли дождя со своей шляпы.

– Присаживайся, – Уильям указал рукой на стоявшее рядом кресло-качалку.

Пес обнюхал гостя и, шаркая когтями, медленно вернулся в ноги хозяину.

– Выпьешь что-нибудь?

– Я разве когда-то отказывался от твоего виски? – с улыбкой добряка спросил гость.

Уильям поставил свой бокал на стол и удалился в дом. Фрея сидела перед камином. Выражение ее красного от света пламени лица говорило о тяжелой внутренней скорби. Она никак не отреагировала на появление супруга.

– Фрея, – тихо и спокойно окликнул Уильям.

Он подошел к ее креслу и преклонил колено. Она не отводила взгляда от пламени в камине.

– Дорогая, я понимаю, что ты чувствуешь...

– Нет, – с отчаянной уверенностью и качнув головой, возразила она, – ты не можешь меня понять, тебе от природы этого не дано.

Уильям взял ее за руку.

– Тем не менее, я способен на сострадание.

Фрея склонила голову, закрыв лоб второй рукой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.